

Андрей РЕЗЦОВ

Андрей Резцов родился в 1963 году в поселке Лобва Ново-Лялинского района Свердловской области. Окончил мехмат МГУ, кандидат физико-математических наук. Поэт, прозаик. Публиковался в журналах «Новый мир», «Дружба народов», «Новая Юность», «Вышгород» (Таллинн), «Волга». Живет и работает в Сиднее, Австралия, 33.8688° южной широты, 151.2093° восточной долготы.

РАССКАЗЫ

из цикла «Как нелепо возвращается зима»

Итальянский Сергей Есенин

В ответ на его слова я отвернулся. Неверное, нельзя здесь говорить «в ответ», так как такая форма подразумевает, что я что-то сделал или сказал в лицо говорящему. А я просто отвернулся, чтобы проверить, кто же стоит за моей спиной, к кому он обращается. Ну, уж точно не ко мне.

За мной не было никого. Глаза быстро привыкли к смене освещения, и я убедился, что за мной не было никого. Там не было и ничего. За мной начинался гладкий чёрный лёд. Это было либо озеро, либо река, берегов не было видно. Полная яркая луна светила так ярко, как и солнце днём не всегда светит. Но видно было только бесконечный чёрный лёд, гладкий, как крышка рояля. Если я пойду в ту сторону, то идти придётся вечно, но ничего меняться не будет. Я даже не стал спрашивать себя, что это такое? Я знал, что это Волга. Ничего другого быть и не могло.

Я оглядел себя и убедился, что одет я не для ходьбы по замёрзшей зимней ночной Волге. Шорты в пальмах, сандалии (в них босые ноги, без носков, не надевайте носки в сандалии! – именно это я всегда говорю). Футболка с написанным на ней названием музыкальной группы, исполняющей heavy metal, но это не Metallica. Пусть читатель помучается, перебирая названия музыкальных коллективов.

Я снова повернулся к нему, то есть спиной к Волге. Здесь всё было по-другому. Большой светлый Рыбный Магазин и продавец, которого я знаю лет двадцать. Он итальянец, но похож на Сергея Есенина. Бывают и такие голубоглазые кучерявые рыжие выходцы из страны-сапога. Мгновение назад этот Итальянский Сергей Есенин обратился ко мне «Хозяйка». Потому-то я и обернулся, ожидая увидеть за собой какую-нибудь женщину, с которой он общался. Но сзади меня никого, только замёрзшая зимняя ночная Волга. Все двадцать лет, сколько я его знаю, сколько я у него покупаю рыбу, этот продавец обращается ко всем «Хозяйка». Так ему проще, незачем корчить из себя физиономиста, не надо ломать язык о другие слова. «Хозяйка» – и всё тут, баста! Я тоже не парюсь. Все эти двадцать лет я оборачиваюсь и ищу настоящую «Хозяйку», стоящую за мной.

Итальянский Сергей Есенин был в майке, жарко же. Он протянул в мою сторону согнутую в локте левую руку, ладонью кверху и положил на неё серебристую рыбину. Та изгибалась, билась, надеясь вырваться из крепких рук и уплыть в Волгу. Как она будет лёд пробивать? Лбом, что ли? С разбегу. Продавец с силой воткнул огромный нож в бок рыбины, но мне на мгновение показалось, что себе в руку. Брызнула тёмная кровь. Я успокоился, понял, что это не себя Итальянский Сергей Есенин полоснул. У него кровь должна быть словно Пино Нуар, лёгкой и чуть с внутренней голубизной.

Я согласился, сказал, что беру эту рыбу. Продавец поинтересовался, потребуются ли мне голова и кости рыбы для ухи. Я кивнул и добавил, что плавники все тоже хотел бы забрать, но чешую пусть Итальянский Сергей Есенин оставляет себе.

От зимней ночной Волги веяло холодом, поэтому я хотел быстрее заплатить, забрать рыбу и уйти. Но уйти вперёд, в свет и тепло. Не назад же, на лёд?

Итальянский Сергей Есенин снова улыбнулся, снова назвал меня «Хозяйкой» и...

...и пропал. Так и не взяв денег. Вы скажете: «О-го-ги! Хорошо-то как! Рыба за бесплатно!»

Всё везде сразу пропало. Свет резко потух. Когда глаза привыкли, я увидел, что стою лицом к замёрзшей зимней Волге. Как будто я и не отворачивался от неё к Рыбному Магазину.

Шендрик и Печник

Граф фон Шендрик принадлежал к знатному Австрийскому роду. Все Шендрики-мужчины из поколения в поколение Верой и Правдой служили своей стране на военном поприще. Отец нашего Шендрика проявил себя хорошо во фронтовой разведке, куда и пристроил своего сына, чтобы и он себя показал в деле. А тут как раз и грянула война, которую позже назвали Первой Мировой. Молодой Шендрик был почти сразу же заброшен в тыл к Русским, где и прибил к печнику Егору Дмитриевичу. Для того это тоже была первая война.

Скоро, очень скоро в таком несвойственном мне большом тексте я напишу подробно всю историю многолетнего противостояния профессионального Австрийского шпиона и Русского контрразведчика-самоучки. Эта многолетняя борьба (часто невидимая, скрытая от посторонних глаз) постепенно переросла в крепкую дружбу, оставаясь при этом жёсткой и беспощадной дуэлью двух равных бойцов невидимого фронта. За давностью лет описываемых событий отпала самая малейшая необходимость что-либо скрывать или не упоминать. А пока ...

Я познакомился с Егором Дмитриевичем только в 1963 году, но более-менее серьёзные беседы между нами начались ещё позже. Весной 1984 Дед Егор умер, не дожив несколько дней до своего дня рождения. Он часто говорил, что родился в Егоров День весной, который также называют Егоров Бедный День, – еды мало осталось в закромах после долгой холодной зимы. Печник поэтому праздновал (пировал – так он говорил) свои именины в Егоров Богатый День, что случился осенью после сбора обильного урожая и тёплого сытого лета.

Я часто и подолгу жил в доме Егора Дмитриевича, хорошо знаком с его многочисленными родственниками. Были у меня и встречи с другой стороной, с Шендриками.

Однажды летом в самом начале 80-х или в самом конце 70-х (конечно, прошлого века) я был в гостях у героя моей книги и его семьи. Его внучка Лена (дочь тёти Зины, если кто интересуется) мела двор большой метлой из берёзовых веточек, периодически опуская этот «агрегат» в ведро с «технической, не питьевой» водой. Это чтобы пыли было меньше. Я тоже что-то делал, помогал по хозяйству, был рядом. Вдруг мы услышали настойчивый стук в ворота, которые закрывали только на ночь. Во двор вошёл старичок примерно возраста Деда Егора и спросил: «Егор Дмитриевич дома?» Услышав положительный ответ, старичок спросил у Лены разрешения воспользоваться уборной, прошёл мимо неё и вскоре вернулся. Помыл руки в рукомойнике, тоже установленном во дворе, прибитом парой гвоздей к столбу. «Спасибо, Маруся!» – поблагодарил гость Лену. Через некоторое время из дома на крыльцо вышел Печник, мы его позвали. Два старика долго сидели рядом и разговаривали. Затем гость ушёл. На наше весёлое замечание, что незнакомец назвал Лену Марусей, даже не спросив её имени, Дед Егор заявил: «Немцы

всех наших женщин Марусями звали!» Позже я понял, что это была моя первая встреча с Шендриком.

Да! Тогда была моя первая встреча с графом, но был рядом с ним, слышал его речь я ещё за пару недель до «Лена-Маруся событий». Мы тогда с Дедом Егором шли на покос. Он не мог быстро идти, поэтому даже просил молодых членов семьи научить его ездить на велосипеде. Они сами ездили на покос на педальных машинах, но не спешили учить этому умению патриарха. Обидевшись на отказ, на саботаж, Печник решил всё равно прибыть к месту работ раньше молодёжи. Чтобы утереть нос заносчивым велосипедистам, он решил воспользоваться феноменом пространственно-временного континуума (это такая физическая модель, дополняющая пространство равноправным временным измерением и таким образом создающая новую эффективную теоретико-физическую конструкцию). То есть мы с ним вдвоём вышли заранее, сразу же после обеда предыдущего дня, чтобы оказаться на месте рано утром следующего. Вечером мы добрались до Трёх-Николаевского хутора, где и остановились переночевать у знакомых Егора Дмитриевича. Эту ночь я провёл на полу на матрасе, что я люблю, но спал плохо, сильно мёрз. Утром в ответ на мои слова недовольства мне показали на десяток полушубков, висевших в сенях, которыми я мог укрыться. От холода я ворочался, ждал наступления утра и вдруг услышал, что кто-то пришёл, негромко постучал, и к нему вышел Печник. Тихая ночь на отдалённом хуторе позволила мне слово в слово услышать их разговор, самое его начало.

«Егор Дмитриевич, как ты, не болеешь? Мы давно с тобой не виделись».

«Я – хорошо! А ты-то как, Шендрик? Всё ещё шпионишь? Ты и здесь по этим делам?»

«Нет! Я уже в вечном резерве, но готов, если Родина позовёт, и дальше служить народу».

«Ой, не надо бы этих призывов-мобилизаций. Тогда мне опять тебя по нашей тайге ловить придётся. Или тебе меня в ваших горах».

«Нет, в прошлый раз было не у нас, а в Баварии около горы Цугшпитце. Да и ты меня однажды в Туркменистане ловил, искал между басмачей».

Дальше я заснул. Больше от холода. Молодые часто засыпают в самых неподходящих условиях, даже в холоде на матрасе на полу в Трёх-Николаевском. Утром мы с Дедом Егором пришли на покос раньше всех и выкосили его до приезда на велосипедах остальных косарей. Егор Дмитриевич шутил, улыбался, был рад, что опять «его взяла!». Негромко, но чтобы все слышали, читал свои стихи:

*Здесь только лоси едят
Унылых осин кору,
Смотрят в окно,
Если на лосиных диванах сидят,
И телевизор включен у них.
Но лоси никогда не спят, –
Ходят, бредут меж болот.
Выстрел-хлопок ...
И лось лежит,
Завалился на лосиный бок.
Где ж ты, лосиный Бог?*